

Скворцов Иван Сергеевич

КАТЕГОРИИ ТРАВМЫ И ЗАБВЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА Ф. Р. АНКЕРСМИТА

В статье исследуется природа феномена забвения в концепции "интеллектуального эмпиризма" Ф. Р. Анкерсмита. Конституируются четыре типа забвения, парадокс которых заключается в том, что забвение так же важно для формирования идентичности, как и память. Рассматриваются виды травматического опыта и их соответствие определенному типу забвения, иные концепции памяти, в частности, концепция "места памяти" П. Нора, и формулируются актуальные вопросы для дальнейших перспектив изучения проблемы исторического опыта и памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. С. 167-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

В статье исследуется природа феномена забвения в концепции «интеллектуального эмпиризма» Ф. Р. Анкерсмита. Конституируются четыре типа забвения, парадокс которых заключается в том, что забвение так же важно для формирования идентичности, как и память. Рассматриваются виды травматического опыта и их соответствие определенному типу забвения, иные концепции памяти, в частности, концепция «места памяти» П. Нора, и формулируются актуальные вопросы для дальнейших перспектив изучения проблемы исторического опыта и памяти.

Ключевые слова и фразы: Ф. Р. Анкерсмит; П. Нора; травма; память; забвение; коллективная идентичность; индивидуальная идентичность; «возвышенный» исторический опыт.

Скворцов Иван Сергеевич*Московский педагогический государственный университет**ivan-skvorc@yandex.ru***КАТЕГОРИИ ТРАВМЫ И ЗАБВЕНИЯ
В КОНЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА Ф. Р. АНКЕРСМИТА[©]**

В настоящее время мы наблюдаем масштабный процесс «смены акцентов» в исторической эпистемологии. Суть данного процесса заключается в том, что от концептуализации языка как определенной логической матрицы всего нашего знания о прошлом историки пришли к прямо противоположному выводу – к необходимости исследования феноменов памяти и опыта в гуманитарном знании. И вновь возникло понимание того, что «опыт весьма плодотворен и полезен», а использование методов нарративизма в философии истории «достойно сожаления» [2, с. 15]. Наиболее ярким тому примером выступают последние работы нидерландского историка и эпистемолога Ф. Р. Анкерсмита, которого без преувеличения можно назвать наиболее крупной фигурой в современной теоретической истории. В работах «История и тропология» (2002) и, в особенности, «Возвышенный исторический опыт» (2005) Анкерсмит выстраивает законченную концепцию художественно-исторического опыта, который понимается как травматический опыт «разрыва» с прошлым, одновременно определяемый как следствие диссоциации памяти прошлого и идентичности. В данном случае диссоциация понимается не как психическое расстройство, а как особый способ переживания временного разрыва, который, по мнению А. Олейникова, «...не только разделяет, но и одновременно связывает прошлое и настоящее. Он делает их необходимыми друг для друга» [5]. В связи с этим нам кажется, что исследование феноменов травмы и забвения в контексте «интеллектуального эмпиризма» Анкерсмита является одной из наиболее актуальных тем в современной историософии.

В своей новаторской концепции «интеллектуального эмпиризма» Анкерсмит конституирует три вида исторического опыта: соответственно «объективный», «субъективный» и «возвышенный». «Объективный» исторический опыт – то, как в исследуемом прошлом сами люди представляли свою жизнь. Данный опыт может быть получен с помощью различных источников, например, газет или книг, написанных самими участниками исследуемых событий [1, с. 367]. Этот опыт наименее связан с проблемой памяти и идентичности, поэтому в данной статье рассматриваться не будет. Напротив, «субъективный» и «возвышенный» опыт видятся необходимыми для исследования по той причине, что, по Анкерсмицу, это те формы опыта, с помощью которых возможно пережить прошлое в настоящем. Здесь уместно вспомнить о феномене «экстасиса», сформулированном Й. Хейзингой, – ощущении, возникающем при взаимодействии с элементом истории, к примеру, письмом, картиной, музыкой или иным творением прошлой эпохи. Хейзинга отмечал, что такое ощущение не является следствием мысли, так как появляется до того момента, как историк успеет начать процесс познания [8, с. 135-137]. Безусловно, «субъективный» опыт имеет много сходств с явлением, описанным Хейзингой. Однако важно подчеркнуть следующее: «субъективный» исторический опыт, с точки зрения Анкерсмита, в отличие от «экстасиса», проходит дискурсивные уровни репрезентации и требует наличия временной дистанции между объектом и субъектом (когда прошлое само по себе уже позади, и мы лишь сталкиваемся с репрезентациями или повествованиями о нем). В таком случае «субъективный» исторический опыт позволяет сократить временной разрыв, и на мгновение субъект сливается с объектом. Близкую идею мы встречаем в теории памяти Мориса Хальбвакса, во многом позволяющую уяснить последний и главный вид исторического опыта – «возвышенный».

В своей книге «Коллективная память» Морис Хальбвакс проводит четкую границу между индивидуальной и коллективной памятью, с одной стороны, и исторической памятью – с другой. В основу различий категорий памяти у Хальбвакса положен временной аспект: коллективная и индивидуальная память имеют отношение к событиям, которые мы непосредственно переживаем как отдельные личности или в составе социальных групп, в то время как историческая память касается знаний о прошлом, получаемых нами только благодаря исторической репрезентации, а не вследствие их естественной взаимосвязи с нашим опытом. В данном случае необходимо отметить, что память в настоящем времени всегда работает в качестве одной из составляющих индивидуальной и коллективной идентичности. Хальбвакс понимает идентичность как

результат постоянного взаимопроникновения индивидуальной и коллективной памяти. Индивидуальная память может быть задействована лишь в тех социальных рамках, в которых она создается. Более того, поскольку люди являются участниками многих социальных групп, коллективную память следует рассматривать как многосоставную структуру. Историческая память начинается там, где кончаются коллективная память и традиция; она представляет собой утраченное прошлое в повествовании от отдельного лица [7].

Памятуя о разграничении памяти, предложенном Хальбваксом, нам следует теперь возвратиться к сформулированному Анкерсмитом понятию «возвышенного» исторического опыта. В качестве основы «возвышенного» исторического опыта выступают четыре типа забвения. Таким образом, в отличие от Хальбвакса с его основным упором на *память*, Анкерсмит в своих рассуждениях отталкивается от идеи *забвения* прошлого. Тем не менее, необходимо отметить, что, как ни парадоксально, их подходы не столь сильно отличаются, как может показаться на первый взгляд, поскольку забвение и воспоминание могут рассматриваться как две стороны одного явления.

Первые два типа забвения, описанные Анкерсмитом, имеют бессознательную основу. Первый тип забвения имеет отношение к событиям из нашего личного или коллективного прошлого, которые мы можем смело забыть, поскольку они никак не влияют на нашу идентичность. Напротив, второй тип забвения связан с моментами, о которых мы можем забыть, но, в отличие от первого типа, эти моменты являются действительно важными для нашей идентичности, даже если ранее мы могли этого не осознавать. Иными словами, эти только лишь на первый взгляд незначительные события из нашего прошлого, но *которые на самом деле* оказали огромное значение на личность или какое-либо исследование. Анкерсмит замечает: «Историки иногда “забывают” о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов» [1, с. 440]. Поскольку второй тип забвения следует понимать применительно к структуре нашей идентичности, можно заключить, что данный тип забвения обратен противоположен индивидуальной и коллективной памяти, определенной Хальбваксом.

Гораздо более сложными являются третий и четвертый типы забвения, являющиеся сознательными и, вследствие этого, травматичными. Парадокс травматического опыта заключается в том, что некое событие одновременно забывается и сохраняется в памяти. В связи с этим, два последних типа забвения не являются противоположностью памяти, выступающей в качестве созидательного компонента идентичности. Подобные типы «осознанного» забвения приводят к диссоциации идентичности личности: «Диссоциация личности на сознательную и бессознательную части самости говорит о невозможности забыть то, что требуется забыть. Переводя травматический опыт в область бессознательного, мы можем, конечно, забывать о нем. Но храня его там, мы *вместе с тем* будем помнить о нем бессознательной памятью» [Там же, с. 441]. Этот тип забвения вызван опытом переживания событий, настолько зловещих и, одновременно, значительных, что возникает необходимость не помнить, а забывать, поскольку память о них оказывается невыносимо болезненной для коллективного сознания. В качестве иллюстрации Анкерсмит приводит пример травмы, вызванной Холокостом, которая оказалась настолько страшной как для жертв, так и для очевидцев, что долгое время (особенно в первые двадцать послевоенных лет, когда «новая» Германия активно работала над своим имиджем) вытеснялась из сознательной памяти, особенно в Германии и Австрии. Возникла парадоксальная ситуация: *сознавая и не отрицая* степень своей вины в годы войны, немцы сознательно забывают травматический опыт именно потому, что помнят о нем [6, с. 55-56, 63-68]. Так называемая коллективная амнезия немцев привела к диссоциации на уровне идентичности. Также примером подобного типа забвения может выступить феномен послевоенного «голлизма» во Франции. Невыносимый позор быстрого разгрома в войне и отсутствие массового сопротивления оккупантам позволили французскому коллективному сознанию поверить масштабным мифам о «сопротивляющейся Франции» и считать себя народом-победителем именно из-за желания предать забвению этот травматический опыт поражения.

Четвертый тип забвения неразрывно связан с понятием «возвышенного» исторического опыта. Он хорошо иллюстрируется примером Великой Французской революции – одним из наиболее глубоких и решительных изменений, которое западный человек претерпел за всю свою историю. Как утверждает Анкерсмит, «во всех этих случаях он вступил на порог совершенно нового мира и смог сделать это главным образом благодаря тому, что забыл прежний мир и отрекся от предшествующей идентичности» [1, с. 442]. Таким образом, возникает диссоциация во времени с «прежним миром», а также диссоциация идентичности личности, поскольку они «отреклись от предшествующей идентичности». Здесь мы сталкиваемся с двойной диссоциацией. Как и в случае с субъективным историческим опытом, прошлое, к которому тот относится, давно минуло. В то же время, аналогично ситуации с травмой, происходит болезненный отказ от идентичности, в случае с Французской революцией – от традиционного и некогда привычного мировоззрения.

Отличительной чертой третьего типа забвения является то, что от травматического опыта, присутствующего в рамках конкретной жизни человека или группы людей, в принципе, можно избавиться. Как только травматический опыт можно будет представить в форме нарратива (довольно распространенный способ в практике психоанализа) и он будет успешно включен в историю чьей-либо жизни, конфликт между воспоминанием и забвением исчезнет (или может исчезнуть): «...в такой ситуации происходит *примирение* опыта и идентичности, уважающее опыт и идентичность и потому гарантирующее им продолжительное сосуществование» [Там же]. Иными словами, травматический опыт ценой больших усилий может приспособиться к идентичности в той же степени, насколько и она способна приспособиться к нему. Однако особенность «возвышенного исторического опыта» заключается в том, что нет возможности полностью избавиться от травмы, поскольку *именно она* создает пропасть между двумя различными историческими и культурными горизонтами. Новая идентичность

во многом создается травматическим опытом от потери прежней идентичности; от этой травмы *невозможно* излечиться, и в этом ее *основное содержание*. Поэтому опыт прошлого может быть только желанием знать о мире прошлого, навсегда отделенном от мира субъекта. Подобного рода эмпирическое знание заставляет нас взглянуть на себя глазами постороннего, словно мы сами смотрим на кого-то еще. Таким образом, мы можем лишь попытаться представить нашу прежнюю идентичность. Принимая во внимание этот факт, следует отметить, что «возвышенный» исторический опыт необязательно искать только лишь в отдаленном прошлом – мы сталкиваемся с ним каждый раз, когда цивилизация вступает в радикально новую стадию своей истории.

Иными словами, разница между травматическим и «возвышенным» опытом заключается в том, что в травматическом опыте и связанном с ним третьем типе забвения некая коллективная идентичность (по выражению Анкерсмита – «универсум») не захватывается психологической драмой целиком, так как она происходит внутри этой идентичности. Это позволяет «выталкивать травматическую утрату на темные задворки бессознательного» [Там же, с. 444]. Но четвертый тип забвения и «возвышенный» опыт – это нечто иное, так как в этом случае гибнут все ранее сложившиеся структуры «универсума» и сменяются радикально иными.

Таким образом, в концепции Анкерсмита можно выделить четыре типа забвения и два типа травматического опыта. Первый тип травматического опыта связан с третьим типом забвения, которое не разрушает основы коллективной идентичности. Второй тип можно соотнести с четвертым типом забвения, где травматическая утрата может выступать утратой прежней идентичности. В контексте проблемы травмы и забвения Анкерсмит выделяет два типа опыта – «субъективный» и «возвышенный» («объективный» опыт, как уже упоминалось выше, не может быть рассмотренным в данном контексте, поэтому в этом исследовании не затрагивается). «Субъективный» исторический опыт – форма обращения к прошлому, которую Анкерсмит непосредственно не связывает ни с одним из четырех типов забвения, однако ближе всего подходит ко второму. Этот вид исторического опыта может иметь место лишь там, где закончилась коллективная память, по аналогии с разграничением, которое Хальбвакс проводит между коллективной и исторической памятью. «Субъективный» исторический опыт проходит сквозь уровни исторической памяти или исторических исследований и возникает там, где присутствует разграничение между временем, которое все еще является частью сегодняшней жизни человека, и временем, которое является предметом исторической репрезентации, свидетели которого не дожили до наших дней. С точки зрения субъекта мы могли бы назвать это диссоциацией с прошлым. Можно предположить, что второй тип забвения играет определенную роль в создании исторической памяти, поскольку во всех репрезентациях прошлого «забываются» некоторые моменты, которые, если оглянуться назад, действительно имели когда-то решающее значение [2, с. 12]. «Возвышенный» же исторический опыт представляет не просто травматический опыт прошлого, а прежде всего опыт болезненного различия между прошлым и настоящим, преодолеть которое невозможно. Он соотносится с последним типом травматического опыта, который возникает при ощущении непреодолимой пустоты между утраченной и присутствующей идентичностями. Ведь, по мысли Анкерсмита, «прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так мучительно присутствующая в нас» [1, с. 444].

Необходимо отметить, что в работах, посвященных изучению памяти и забвения как социального феномена, также уделяется первостепенное значение роли прошлого в формировании индивидуальной и коллективной идентичности. В этом смысле концепция Анкерсмита отнюдь не единственная в своем роде. В частности, американский социолог Джеффри Олик высказал сходную с Анкерсмитом мысль, что ученые, занимающиеся исследованием памяти, в основном ошибочно уделяют внимание ее «продуктам», т.е. рассказам, изображениям, произведениям монументального искусства, а также способам реализации памяти: воспроизведению и сохранению фактов, отмечанию памятных дат. «Исследователю, – заключает Олик, – не следует забывать, что память – это процесс, а не предмет, способность, нежели объект» [8, с. 158-159]. Также среди аналитических работ, рассматривающих феномены памяти и забвения и то, каким образом мы вновь и вновь обращаемся к прошлому, важную роль играет концепция «места памяти» (*lieux de mémoires*), сформулированная Пьером Нора. В контексте этой концепции мы можем говорить о каком-либо «месте» как об объекте, запускаящем механизмы памяти, или как о носителе различных уровней интерпретаций прошлого [4, с. 17-50]. Как ни парадоксально, несмотря на большое количество теоретических исследований, посвященных изучению концепции «места памяти», и работ о памяти, затрагивающих тему изгнания, понятие «места памяти», кажется, не имеет большого значения для Анкерсмита. Несмотря на то, что философ упоминает Пьера Нора и высоко отзываясь о его труде [1, с. 363], а также отмечает новаторский вклад французского историка в исследование памяти, понятие «места памяти» не затронуто в анализе исторического опыта, проделанном Анкерсмитом, и даже не обсуждается в его комментариях к труду Нора.

Тем не менее, детальное рассмотрение понятия «место памяти» в рамках теории об историческом опыте, кажется, заслуживает большего внимания. Во-первых, если рассматривать концепцию исторического опыта в контексте исследований памяти, поразительно то, что понятие «место памяти» широко распространено в указанных исследованиях, но почти не освещается Анкерсмитом. Во-вторых, в примерах исторического опыта особая роль отводится объектам, вызывающим подобный опыт в памяти. Пространственное изменение этих объектов также нуждается в прояснении. В-третьих, европоцентрические примеры, которые Анкерсмит приводит в описании субъективного и возвышенного исторического опыта, привязаны к определенной местности. И последнее: если мы думаем о диссоциации как о необходимом предварительном условии исторического опыта, мы можем утверждать, что перемена мест жительства или изгнание могут также выступать в качестве категории диссоциации. Подробное изучение данных проблем видится нам исключительно важным для современного историка, однако это – тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / пер. с англ. М. А. Кукарцевой. М.: Канон +; Реабилитация, 2010. 400 с.
4. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
5. Олейников А. Исторический опыт – новый предмет теории [Электронный ресурс]. URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
6. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/socoboz/2012-1-t-11/14544-figuracii-pamyati-processo-relyacionnaya-metodologiya-illyustriruemya-na-primere-germanii.html> (дата обращения: 12.04.2015).
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 10.04.2015).
8. Хейзинга Й. Номо Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
9. Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by Astrid Erll and Ansgar Nünning. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2008.

**CATEGORIES OF TRAUMA AND OBLIVION IN THE CONCEPTION
OF ARTISTIC AND HISTORICAL EXPERIENCE OF F. R. ANKERSMIT**

Skvortsov Ivan Sergeevich
Moscow State Pedagogical University
ivan-skvor@yandex.ru

The article studies the nature of the phenomenon of oblivion in the conception of “intellectual empiricism” by F. R. Ankersmit. Four types of oblivion are constituted, the paradox of which is that oblivion is just as important for the formation of identity as memory. The author considers the types of traumatic experience and their compliance with a certain type of oblivion, other conceptions of memory, in particular, the conception of “place of memory” by P. Nora, and formulates relevant issues for the future prospects of studying the problem of historical experience and memory.

Key words and phrases: F. R. Ankersmit; P. Nora; trauma; memory; oblivion; collective identity; individual identity; “sublime” historical experience.

УДК 7.011.26

Искусствоведение

Данная статья является рецензией на коллективный сборник «Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв.», автор проекта, составитель и редактор которого – М. А. Некрасова. Цель рецензии – обосновать актуальность и новаторство данного масштабного труда. Акцентировано значение термина М. А. Некрасовой, детерминирующего суть народной культуры, – «экоэтнорелигиозная система». Автор рецензии заключает, что интерпретация древних исконных традиций – значимая основа возрождения русской национальной культуры, в том числе настоящего времени.

Ключевые слова и фразы: народное искусство; православие; формы религиозного мировоззрения; национальные традиции; геополитика; культура в многополярном мире; единая система научных понятий; экоэтнорелигиозная система.

Скоробогачева Екатерина Александровна, к. искусствоведения
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
Skorobogacheva@mail.ru

**РУССКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО
КАК ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ[©]**

Научный труд доктора искусствоведения, академика Марии Александровны Некрасовой и коллектива авторов «Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв.» актуален, значим для исключительно широкого круга читателей. Само название книги свидетельствует о приверженности традициям русского национального искусства, культуры, истории, эстетики, религиозно-философской мысли, следовательно, раскрытию русской духовности автором, движимым целью познания глубин народного искусства в живых связях с православием и современностью. Об этом также позволяет судить научная работа в течение многих десятилетий, целый ряд изданных монографий, множество публикаций, активная общественная позиция М. А. Некрасовой.